

ВЗЛЕТЫ БОЛЬШОЙ САТИРЫ

Институт кефира... Уже одно наименование учреждения, в котором творятся самые разнообразные действия (пьесы Д. Аля и Р. Ракова «...Опаснее врага», показанной в Москве Ленинградским театром комедии, настраивает юмористически. И еще: оно вполне подготовливает зрителей к мысли, что основной контингент сотрудников этого научного центра составляют дураки.

Полный институт дураков — в самом деле, почему бы в сатирической пьесе не допустить такую гиперболю? Правда, автор не до конца последователен, и в институте, выполняющем исключительно дурацкую работу, обнаружены все же лаборатории, где заняты настоящим делом. Мне думается, эта несопоставительность повредила спектаклю, поскольку лабфактория, профессора Куранова не только в Институте кефира, но и в «...Опаснее врага» — элемент универсальный. Работавшие в этой лаборатории безупречно положительные герои, в отличие от авторов пьесы, не смеются над дураками, а возмущаются и негодуют. Не знаю, возможно, это и упреляет их положительность, однако художественное единство спектакля явно пострадало, потому что, посядая сами, кому нужны в сатирической комедии негодующий резонер?

Кое-какие ситуации и реплики рассчитаны, пожалуй, на слишком легкое ухо — этого тона у спектакля не отнимешь.

Вот, пожалуй, все или почти все, что мешает этой комедии быть комедией и редко-редко рождает в публике холодок недоверия, равнодушия. В общем же спектакль, остроумно поставленный Н. Лавиным и не менее остроумно оформленный художником М. Крыловым, не принимается так, как собственно, и должны восприниматься спектакли этого жанра: хотят в зрительном зале стоят томерически.

Итак, Институт кефира. Его сотрудники, подобно всем бездельникам, состоящим при должностях, без устали создают видимость какой-либо деятельности. В отделе замечательной пробки с неоплаченных времен быются над тем, чем же все-таки заменить пробку, и уже пришли к глубокиммысленному выводу, что заменить пробку не удастся, изготовленная не из пробки. Отдел проектирования этикетирования также готовит революцию в своей обширейшей области: ведь до сих пор бутылки кефира проектировались без этикеток, а теперь проектирование этикетирования идет полным ходом — ученые смело вторгаются в область неоплаченного. Аспиранты Чарын и Чуринов тоже работают — не гуляют, авидны из них уже давно в поте лица своего трудятся над проблемой выбора темы для диссертации, каждый успевает твердо усвоить: лучше всего в науке — это этикетина.

Все это продолжается до тех пор, пока зав. зам. пробки Шпинатов, который обычно бывает в курсе нескольких важных дел, не прослышал, что сверху спустился директива: изгнать из науки дураков.

И началось — закрылись! Срочную телеграмму с просьбой немедленно уточнить ситуацию с дураками послал в Москву своему вышестоящему другу директор института Тихон Дотерровский. Выхрем унесся обход этакого недоуздочий Шпинатов, уходящий на ходу бросает секретарше: «Если меня будут спрашивать — я во

К гастроллям Ленинградского государственного театра комедии

всех отделах». И заиграл, как иррегулярный армейский конь при зауке боевой трубы, начальник отдела кадров Мальков «Нампины дураки», — зарек он бравым фальсфейбелским голосом, поправляя толпища садов, и в этот момент из оркестра в самом деле прозвучала прозвучала труба...

Мальков в исполнении премьерского комедийного актера П. Суханова — фигура и галерея дураков колоритнейшая. Знакомимся мы с аязкадром, когда он пребывает непосредственно при исполнении служебных обязанностей, на боевом, как скажут, посту — принимает на работу пылинку-водопроводчика Константина. «Взвешивает» — командует он, однако тут же поправляется: «Войдите!». На вопрос Посетителя, надо ли заполнять анкету, отвечает категорическим отказом: «Без чего? Пройти те времена, когда на работу принимали по анкетам, теперь подавай деловые качества! Вот так — первый демократический шаг: пусть каждый дескать, Константин, по душам говорить будем. Перво-наперво — ФИО. «Что?» — хитрит обалдевший водопроводчик.

Оказавшись, это фамилия, имя, отчество — первый вопрос — по цинла вопросам, составляющим мальковскую беседу по душам: «Год рождения», — и Мальков игриво, отдергивает руку, дергающую настурт Ион-Стантинова: дулки, не подглядывай! Словом, перестроился Мальков, отряхнул с себя последствия культа...

Демократизм завадрами продолжается еще и в его пристрастиях к народным пословицам, поговоркам, присказкам и речениям. В числе любимых — «Не боти на горшках сидеть», — это слова Мальков хочет подбодрить сотрудника, которого «бросают» на заводном не знающем ему дело. Полученный ностром, эверинизирующийся рупором хромых слоганов, знаком какого-то неведомого общества на груди — последние штрихи блестящего сатирического портрета, воссозданного актером.

Ученый секретарь Хеосенка — дурак, трусливо настроенный и обидчивый. Шпинатов — дурак суетливый, из тех, кому «дуриная голова когем по кол не дает». Плевешкий, за-проентированным этикетированием, — дурак самодовольный и импозантный. Работы В. Осипова, С. Федорова, А. Савостьянова вполне достойны сцены Ленинградского театра комедии, и все-таки их герои рядом с неоплачиваемыми Мальковым в какой-то степени проигрывают. Только Е. Уварова, играющая секретаршу директора Галину, а также Федорову, достаетеся для нужденного, почти импровизационного комедийного блеска П. Суханова.

Однако, как справедливо заметил один из персонажей комедии, каков поп, таков и его аппарат. Что же представляет собой «аппарат»?

Тихон Иванович Дотерровский (актер П. Панков) возникает на сцене значительно. Ему чужда трусливая историчность Хеосенки, он не опустится до неуважительной бестолковой суетливости Шпинатова. Тихон Иванович — человек солидный, никаких необдуманных решений, никаких действий спорах. Все надо проверить, известить. Значит, так. Телеграмма прилетела в Москву отправлена. Малькову поручил позвонить в горком, там ответили, что с выявлением дураков в институте

те даже несколько запоздали — историчизирующий сигнал И. кроме того, знаете, что передает по радио? Скажу о коньяке-горбушке, про крестьянина, у которого три сына и при этом младший новос был дурак. Думаете, литературный материал подбирали случайно, думаете, на радио дураки скучают? Ну нет, шалишь, Дотеровского не проведешь, Дотеровский тертый!

Сомнениям места нет — пора начинать нампины. Ох, какая же изюющая энергия прощипывается в мимолетном фундаментальном директоре! Сменнее всего то, что герой П. Панкова сыто убежден в крайней необходимости всего того, что он делает. Вот уж поистине служебный дурак опаснее врага. Вполне редится здесь и другое популярное морчение: «Заставь дурака бога молить», — он себе поб распахнет. Дураки ничуть не дураков, утверждения, переполненные дураками, — но вот беда — никак не могут найти. На свой счет «директива», разумеется, никто не принял. Ситуация продумана на редкость удачно, все деятели научно-кефирного дела — как на ладах.

Нампина в Институте кефира началась с той же мимолетной решимостью, с какой началась. Все тот же вездесущий Шпинатов ухитрился раньше всех прочесть телеграмму московского друга-директора и уверен, что пометит не профессор Куранов, которого дураки хотели выжить, объявив дураком, а сам Дотерровский. Вообще-то драматургический прием не из удачных — когда некое указание из центра сразу разбурбает все конфликты и подводит пьесу в счастливому концу. Однако в данном случае несколько иное — писателю нужно для того, чтобы еще одной гранью повернуть характер каждого из обитателей Института кефира. Уонав, что Дотерровский заматывает, каждый из них слабачком сейчас лишь одним: как бы довее продать, горячо любимого руководителя, Дураки-дураки, а кое-что понимают...

Однако недаром они все по ним ходили: пример того, как, настоящий, не какой-нибудь дурак борется за место под солнцем, показав оянч-таян он — роторирующий шеф. В самом деле, ведь говорили же в мысленных инстанциях: если человек не справляется с должностью, лучше ему самому в этом признаться и уйти. Только интуитивистов пока что не находилось. Значит, можно стать первым? Зачинателем, так скажем. Инициатором нового движения! Новой кампания! В гадетках напугать? Фальш, напугать! Орден дадут? А что, может, и дадут. Вост... Вот ты мой, я дадут в вост, поставят?! Вот так Дотерровский, вот так борется!

То, что играет П. Панков в этой сцене вдохновенно-дурацкого прозорения, я есть, наверное, настоящая, большая сатира. Вот таинств взлеты приключений прежде всего этот довольно неровный в общем спектакль.

И. ЩЕРБАКОВ.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «...Опаснее врага».

Фото В. ИВАНОВА.